

НАША СТРАНА

Год издания 77-й. Буэнос Айрес, 3 июля 2025

“NUESTRO PAIS”

Buenos Aires, 3 de julio de 2025

No 3249

ПРОТОДИАКОН ГЕРМАН ИВАНОВ-ТРИНАДЦАТЫЙ

Опомнились? Нет — слюкавили

Итак, понадобилось четверть века, чтобы глаза стали понемногу прозревать. Ну что ж, как говорит пословица — лучше поздно, чем никогда. Но совершенно рано ещё думать, что наши бывшие братья Нью-Йоркского Синода, сознательно предавшие наследство Отцов, добровольно ставшие под «духовную» власть бывших кагэбешников, и принявшие РФ-ию за Родину-Мать, а Московскую Патриархию за Матеръ-Церковь, вдруг опомнились или близки к покаянию в содеянном.

Ничего этого не произошло.

А чтобы понять, что произошло посмотрим ближе, что именно сказано в этом Заявлении от 5 июня сего года перешедшего под Московскую Патриархию Нью-Йоркского Синода. Фактически читаешь и радуешься: сильными словами обличают они возврат ко лживой и богопротивной идеологии прошлого века, обличают тенденцию обелить преступления богоборцев, вполне правильно осуждают, как они пишут, «ужасающее установление памятников преступным фигурам», имея особенно ввиду памятник в честь Сталина на Таганской станции метро, что является восстановлением барельефа, снятого несколько десятилетий назад в ходе так называемой «десталинизации».

Осуждают восстановление памятника чекисту Дзержинскому в 2022 году на своё «историческое место» перед зловещим зданием Лубянки. Осуждают принятое решение реставрации, когда требовалось бы снесение, капища на Красной Площади с мумией изверга и ненавистника России, чью фамилию противно даже произносить. На самом деле, как назвать всё это иначе, чем плевков в душу и память всех замученных теми самыми извергами, и глумлением над чувствами верующих и потомков ленино-сталинских жертв?

Со всем этим диагнозом можно только согласиться, но удивляет то, что в длинном перечне фактов, свидетельствующих о «явной тенденции обелить преступления богоборческой власти XX-го века» нет малейшего намёка о том, что может думать руководство Московской Патриархии, с которой они духовно связаны.

А это должно было бы в самую первую очередь их интересовать и волновать. Ведь подчинены они не государственным властям, а патриархийным. А тут полный молчок. Ни одного слова о МП в этом обличительном приговоре, что не может не настораживать и не наводить на мысль об искренности всех этих возмущений.

Неужели этот наблюдаемый прискорбный возврат в прошлое не затрагивает церковную власть, обходит её, и она остаётся чуждой этих пагубных влияний, чем

можно было бы объяснить, что они остаются верными решению, приведшему их к, по принятой фразеологии, «богоугодному воссоединению Церквей»? А ведь всем хорошо известно, что она, наоборот, несмотря на все принятые ею «социальные концепции» в эйфорийный период падения советской власти, продолжает, как в «старое, доброе советское время», во всём быть послушной генеральной линии! И в принципе требует того же послушания от подвластных ей структур. А то, что МП ни на йоту не отступает от линии власти, какой бы она ни была, — ни кем не оспариваемый факт.

Так, например, в торжественной церемонии открытия памятника Дзержинскому — надо же такое придумать! —, вполне естественно и без всякого содрогания совести, приняли участие представители МП. По беглому подсчёту, после нескольких лет шального либерализма, более сотни таких разных большевических истуканов восстановлено по всей стране и никто не будет сомневаться в том, что такие «патриотические мероприятия» всегда сопровождаются присутствием и участием представителей МП. Стоит вспомнить тут случай, о котором мы писали в статье "Сталинская патриархия", священника на Псковщине, освящающего восьмиметровой величины памятник Сталину окроплением святой водой, сопровождая сие мероприятие радостными возгласами «Христос Воскресе!» А в последовавшем пастырском поучении воздавалась благодарность генералиссимусу за то, что теперь, благодаря ему, нам дано молиться и прибегать к такому сонму святых Новомучеников...

И горько и смешно, но такие случаи и примеры ничуть не тревожили до сих пор совесть наших бывших нью-йоркских собратьев. Почему? Как объяснить?

Однако это ещё далеко не всё для нравственной характеристики МП. Никто серьёзно не может думать, что она переродилась, сбросив с себя всю прошлую «сергианщину», которая всегда отделяла МП от Зарубежной Церкви.

Это переносит нас на четверть века назад в разгар спора между теми, кто стоял за законного Первоиерарха Митрополита Виталия и теми, кто шёл предательским путём.

Внушали самим себе и всем нам, что все бывшие преграды существующие между нами будто пали. Все препятствия к сближению двух Церквей исчезли. Ни сергианство, ни экуменизм, ни Новомученики, ни святость Царя-Мученика — все эти кардинальные вопросы, разделяющие нас, теперь окончательно улажены, а кто с этим не согласен и то критикует и противится тем, кто уверенным шагом идёт на

сближение, тот намеренно выдумывает ложные предлоги.

Вот, что нам тогда говорили!

Не будем мы тут повторять всё то, что приходилось нам писать двадцать пять лет назад и что сегодня всеми должно было бы быть признано. Слияние с МП было и остаётся предательством и глупостью. Симптоматично читать в синодальном Заявлении: «Христианам подобает жить с открытыми глазами, не застилать зрение подменами». Какие поучительные слова и как напоминают они те «розовые очки» через которые смотрел на действительность главный инициатор предательства Владыка Марк Арндт, по мудрому определению нашего святого старца Митрополита Виталия. Вопрос Новомучеников нас, говорят, больше не разделяет. Но так ли это на самом деле? Можем ли мы признавать прославленных Патриархией явных сергиан, быть единодушны и единомысленны с теми, кто пишет «иконы» Сталина или продолжает не признавать или не понимать святость мученика Царя?

В Заявлении говорится о каком-то уроде, открыто объявившем в телевизионной передаче, что он «сам расстрелял бы Николая II». Этот, с позволения сказать, человек представлен, как «некий известный, многими уважаемый в России профессор». На первый взгляд нет причин упрекать Церковь за такого урода, известно, что таких «профессоров» наплодилось немало за советское время, но мы потрудились больше о нём узнать. Оказывается, что это некий Юрий Симонов, известный телеведущий, выступающий под лестной фамилией «Вяземский», журналист, профессор МГИМО (известный рассадник шпионов), заведующий кафедрой мировой литературы и культуры (!) факультета международной журналистики.

Всё это столько же смешно, сколько характерно, но самое главное следующее: ко все-му прочему, он ещё и член патриаршего совета по культуре и обладатель нескольких церковных наград. А эта характеристика самозванца Вяземского не указана в синодальном Заявлении.

Понятно почему. Должно было бы быть стыдно, именуящему себя Зарубежником, находиться в общении с таким человеком, всё ещё пребывающим в составе советников патриарха по культурным вопросам.

Но и это, в конце концов, не так важно. Основная причина в разрыве между Западной Церковью и Восточной был вопрос о filioque. А основной причиной раскола в Русской Церкви был вопрос Декларации о лояльности советской власти митрополита Сергия.

Это показывает всю важность вопроса сергианства, вопроса столь

этического, сколько богословского.

Нам говорили и говорят, что он окончательно решён и никто сегодня, после принятия знаменитой Социальной концепции, не вздумает его защищать. Так вот, в очередную годовщину кончины митрополита Сергия, 15-го мая, патриарх Кирилл отслужил панихиду, предварив её следующим словом в память своего предшественника и родоначальника:

«Ему удалось вывести нашу Церковь из того тяжёлого кризисного положения. Надо было искать пути выхода из этого конфликта и свят-ейший патриарх Сергей нашёл такие выходы, кому-то это конечно не понравилось, особенно тем, кто жил далеко от пределов нашего отечества, кто ничем не рисковал, занимая такую позицию, но то что у него установился прямой контакт с высшей властью имело просто спасительное значение для бытия самой нашей Церкви /.../ Всегда находятся какие-то критиканы, которые ставят под сомнение положительное служение святейшего Сергия, но, по милости Божией, вся эта критика практически исчезла, потому что время лучше всего доказывает правоту или виновности тех или иных церковных и государственных деятелей, которые оставляют свет в Истории /.../ Поэтому память о нём необходимо бережно сохранять и я призываю к этому весь наш епископат, духовенство, народ, чтобы молились о Патриархе, вспоминали подвиг его жизни и возносили благодарение Господу за то, что в тот тяжелейший период нашей истории и бытия нашей Церкви возглавление было возложено на этого великого святителя земли нашей».

Слово само за себя говорит.

Мы подчеркнули жирным шрифтом руководящий принцип патриархийного мышления, их основную линию поведения, из чего явствует, что патриархийцы ни на йоту не пересмотрели своё отношение к сергианству и что никакого согласия за прошедшую четверть века наши синодалы не достигли в этом коренном вопросе.

Или, вернее, они либо приняли и освоили патриархийную трактовку, либо не считают себя в силе или в праве оспаривать её. Во всяком случае в этом принципиальном для Зарубежной Церкви вопросе они потерпели полное поражение.

Патриархия с этой линии теперь уже не сойдёт: Сергей был великим святителем земли нашей, всем следует вспоминать подвиг (!) его жизни и бережно хранить память о нём. Он из тех деятелей, которые оставляют свет в Истории, а если были критиканы (!) его политики, то это в основном среди тех, кто выехал за границу и жил в безопасности, но время лучше всего доказывает правоту и сегодня вся критика практически исчезла.

Патриарх Кирилл окончательно канонизирует тут **патриархийное учение лжи во спасение**. Вот, это отныне неоспоримая патриархийная истина, вменяемая теперь всем последователям Московской Патриархии. Такое «патриархийное кредо» является пощёчиной не только зарубежным перебежчикам, но всем отечественным Мученикам, пострадавшим от отвержения сергиевой Декларации, в отличие от самого Сергия, свидетельствовавшим церковную правду до самой смерти.

Вл. Марк Арндт пророчествовал, что в случае объединения с Москвой, мы станем теми дрожжами, благодаря которым взойдёт русское тесто. Как и тогда, слова его звучат сегодня горькой иронией. Увы, русское тесто не взшло, первый блин вышел комом. Тем не менее не мешает это им продолжать по той же нереальной линии и бросать бравый призыв: «Мы возвышаем голос и готовы предложить нашу помощь и молитвенную поддержку в противостоянии этим тенденциям, где бы они ни проявляли себя».

Несчастные — да кто за вами пойдёт?! Какую помощь в вашем сегодняшнем плачевном состоянии вы способны принести России? Не слышите ли здравый ответ на ваш призыв: Врачу, исцелился сам! Наши святые Первоиерархи хранили Зарубежную Церковь, как залог тысячелетней Истины Русской Церкви. Вы разрушили этот монолит и теперь способны передать не более невзрачной похлёбки.

Итак, пора ответить на вопрос — что побудило нью-йоркский Синод неожиданно обнародовать такое Заявление. Объяснение мы видим никак не в их нравственном протрезвлении, а в совсем другом. Дело в том, что зачинщики измены преследовали разные цели. Одна из них была выйти из положения изоляции, в которой бескомпромиссное стояние держало Зарубежную Церковь.

Да, Зарубежная Церковь была изолирована, с ней официальный мир не общался, но её уважали, смотрели на неё, как на оплот Истины. Вы-то жаждали признания, общения, выхода из этой изоляции, которая стала вам тягостной. Мир широко открыл вам свои руки и вы готовы были на все отказы от прежнего бытия. Вам надо было всем доказать, что вы совсем не те зубры, каковыми прежде представляли Зарубежников.

Объясняя почему объединение с Московской Патриархией не состоялось раньше, Владыка Лавр (Шкурла) не стыдился говорить, что это потому-что «препятствовала старая эмиграция, к которой я не отношусь». Уточним что такое «старая эмиграция». Это тот самый костяк, на котором созидался Зарубежный Дух. Со своей стороны, чтобы доказать свой либерализм, Вл. Иларион не постыдился быть сфотографированным, с вечной улыбкой на губах, вместе с каким-то магистром франкмасоном, не взирая на то, что Зарубежной Церковью, и именно святым Митрополитом Антонием, была провозглашена анафема масонству. Одни за другим пошли сослужения со всевозможными новостильниками, екуменистами и со всякими архиереями, с которыми раньше и не помышляли бы разговаривать. И вы вздохнули — мы всеми признаны, можем служить с кем и где хотим!

И тут — первый заскок: Московская Патриархия не сговаривается с

константинопольским патриархом и правильно поступает, порывая с ним молитвенное общение. В связи с этим резко суживается ваш кругозор, половина Православных Церквей порывает с вами общение, вы же ведь ни что иное, как Московская Патриархия.

Проходит несколько лет — второй заскок: "специальная военная операция". Что бы кто о ней ни думал, но эта операция поставила путинскую Россию на карантин, а поскольку Патриархия естественно поддерживает операцию, то теперь весь западный мир от вас отвернулся и перестал общаться.

И вот как, желая дышать полной грудью, пользоваться полной свободой, общаться со всем миром вы внезапно превратились в каких-то изгоев. Раньше, Зарубежная Церковь была изолирована, но это была благородная изоляция, а не стыдливая, как тут.

Итак — как выйти из этого положения? Вот и придумали вы сделать такое громкое заявление, чтобы показать неприятие путинской политики, надеясь тем самым вернуть себе статус цивилизованных людей. Тщетная попытка: пока вы остаётесь в Патриархии вы будете разделять с ней её участь. И тут ключ к пониманию того, что побудило вас обнародовать это синодальное Заявление: вы ничуть **не опомнились**, не каетесь в предательстве миссии

Зарубежной Церкви, а **слукавили** в надежде выйти из положения.

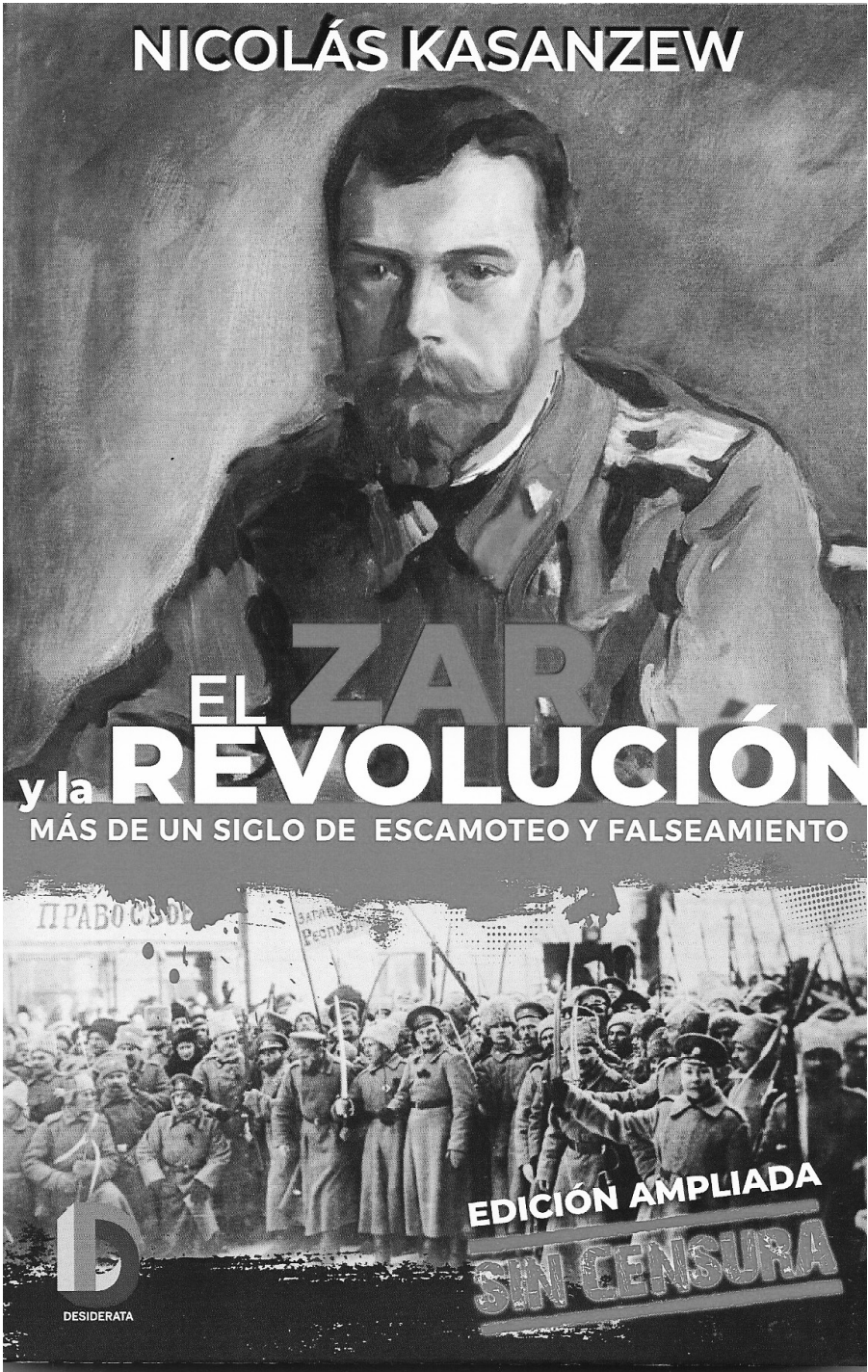
Остаётся загадка — почему в вашем Заявлении ни слова не говорите о МП, несмотря на то, что она полностью виновна во всех грехах, которые вы обличаете. Это от того, что порывать с Патриархией вы ничуть не намерены, ибо это значило бы признать с покаянием вашу исходную ошибку, но на это вы никак не готовы. Не будем забывать, что Ваш несменяемый лозунг: "Воссоединение Церквей — богоугодное дело"!

Итак, вы наблюдаете, как страна клонит обратно в сторону советской России и это естественно вас, как и нас, печалит. Но для нас ещё более болезненно было видеть, как часть Белой Церкви перебралась в советскую Церковь. Вы смотрите на окружающую вас действительность и по праву ужасаетесь, но какое право имеете вы становиться в позу обличителей пороков?

Взгляните скорее на самих себя, вспомните ваши деяния, вспомните всю ложь, которая привела вас туда, где вы сегодня находитесь, и в которой не помышляете полезным каяться. Ваши слова обличения правильны, но не вам их изрекать, подзадумайтесь скорее над глубоким смыслом пословицы: Нечего на зеркало пенять, коли рожа крива. А если хотите, чтобы вас приняли всерьёз, то отлично знаете, что вам остаётся делать.

НОВОЕ РАСШИРЕННОЕ ИЗДАНИЕ

Труд редактора "Нашей Страны" можно приобрести через Mercado Libre, в книжных магазинах Yenny, Ateneo, Cúspide и в издательстве Argentinidad, Galería del Sol, Florida 860, Local 101, Buenos Aires

ИЗ АРХИВА РЕДАКЦИИ

ПИСЬМО Д. Ф. ПЕТРОВА (ВЛАДИМИРА РУДИНСКОГО) ИЗДАТЕЛЮ-РЕДАКТОРУ "НАШЕЙ СТРАНЫ" В. К. ДУБРОВСКОМУ-ЛЕВАШОВУ

6.6.54

Многоуважаемый

Всеволод Константинович,

В свое время Вы мне предложили издать мою книгу, предоставляя мне в принципе выбор темы. Подумав над этим, если подобный план Вас ещё интересует, я хочу представить Вашему вниманию следующие три возможности, из коих Вы можете сделать выбор.

1) Сборник рассказов, часто художественного характера. В них, правда, неоднократно выражаются монархические мысли и чувства, но пропагандного значения они не имеют. В большинстве действие в Париже в среде русских эмигрантов; уклон - несколько мистический (скажем, отдаленно напоминающий гоголевский «Портрет» или «Лугин» Лермонтова). Но именно в силу не политического характера, они могли бы, может быть, привлечь внимание более широкой публики, чем чисто монархические книги; это мнение разделяют многие, с кем я советовался. Рассказы не дурны; их, в частности, готово взять у меня «Возрождение», но там можно поместить лишь часть и отдельной книгой интереснее бы. Часть у меня готова, для других есть план; размер книги можно бы согласовать, сделать больше или меньше, размера ширевских рассказов, или его «Ди-Пи в Италии».

2. Если это Вам не подходит, могу составить нечто вроде мемуаров. Это было бы может быть не лишённая интереса картина жизни русской интеллигенции в СССР - но конечно в центре пришлось бы поставить мою особу. Можно бы охватить такие моменты: советская школа - университет - оккупированная немцами зона России - русские антикоммунистические силы - министерство Пропаганды в Берлине - вступление советских войск в Берлин - бегство на Запад - новая эмиграция во Франции.

3. Можно бы еще по образцу того, как Вы издали книги Башилова и Ширяева, собрать вместе мои статьи в «Нашей Стране», по принципу единства тем, дополнив и изменив где надо, и сделать из них один том с двумя-тремя разделами, или даже одной какой-либо темой. Например: национальный вопрос в России - солидаристы - русская культура и русская интеллигенция с монархической точки зрения - монархия в международном масштабе.

Итак, если какая-нибудь из этих комбинаций Вам подходит, или Вы хотите предложить что-нибудь иное, не откажитесь написать соответственным образом. С глубоким уважением

Д. Петров

СЛЕПЫЕ ОЧЕРНИТЕЛИ ГОГОЛЯ

Николай Васильевич Гоголь

Философское наследие Н. А. Бердяева является неотъемлемой частью не только эпохи русского Серебряного Века и русской эмиграции первой волны, но и русской культуры как таковой. С тех пор, как оно стало републиковаться и на родине философа, а не только за пределами исторической России, комплиментарные отсылки к его трудам то и дело мелькают в работах отечественных гуманитариев, тогда как критика его положений (нередкая при его жизни) — присутствует значительно реже.

Ещё в 1992 году В. М. Живов заметил: «... с каждым месяцем он всё в большей степени становится классиком посткоммунистической философии, и если так пойдёт дело и дальше, то в один прекрасный день мы обнаружим его в школьной программе, а студенты начнут списывать друг у друга конспекты бердяевских работ перед очередным экзаменом по философии... Ссылки на Бердяева и цитаты из него всё чаще встречаются в речах наших государственных деятелей, а у журналистов и вовсе стали дежурным клише... При таком повороте дела открытие Бердяева оказывается одновременно и закрытием множества спорных и болезненных вопросов истории русского общественного сознания, обойдённых Бердяевым или решённых им с публицистической поверхностностью».

Отчасти такое положение дела можно объяснить его репутацией «теолога» (хотя сам неоднократно утверждал, что он не богослов, а философ), что соединялось со специфической «левизной» его мирозерцания, что также работало на его популярность — особенно, в университетских западных кругах: «Я представляю крайнюю левую в русской религиозной философии», писал о себе самый известный в мире русский религиозный мыслитель.

С некоторых же пор — очевидно, как реакция на глобальный атеистический погром богословия как таковое в СССР — ссылка на богословский авторитет такого рода как будто бы заведомо исключает критику. В том числе, когда речь идёт и не о богословских, и не о философских предметах, а, скажем, о художественной литературе.

Бердяев писал в своё время о том, что заглавие книги о. Г. Флоровского — «Пути русского богословия» — на самом деле должно быть таким: «Беспутство русского богословия». Потому что — в силу особой «консервативной» требовательности автора — лишь немногие из огромного количества авторов, рассмотренных в книге, получают положительную оценку.

Однако на чём же основываются негативные оценки русских писа-

телей Флоровским? Например, Гоголя, как автора, который в своем творчестве претендовал не только на чистое «художество», но и на нечто большее.

С некоторым удивлением мы можем обнаружить, что, определяя Гоголя в качестве писателя «сразу» «передового и отсталого», однако запоздавшего «в прошедшем веке», Флоровский следует, скорее за «прогрессистской» литературной критикой XIX и начала XX веков, нежели вводит собственно богословский контекст понимания, либо же как-то прислушивается к переосмыслению наследия Гоголя авторами иных направлений в первой трети XX века. Совершенно в духе радикалов времени жизни Гоголя, о. Георгий иронизирует над гоголевским определением «Мёртвых душ» как поэмы, заключая слово «поэма» при этом в кавычки.

Вместо аргументации он прямо обращается к авторитетному — для него — суждению М. О. Гершензона, который «верно», как полагает о. Георгий, «отметил неожиданное сочетание у Гоголя нравственного пафоса с самым крайним и мелочным утилитаризмом».

Крайне показательно при этом, что самостоятельный анализ (а вернее сказать, интерпретация) «Выбранных мест...» у о. Георгия на самом деле не богословская, но почти исключительно социологическая.

И, наконец, главное. В работе, которая имеет название «Пути русского богословия» при самом сочувственном внимании к автору невозможно обнаружить ни тонкого собственно богословского анализа гоголевского творчества, ни, тем более, глубокого литературоведческого истолкования гоголевских произведений. Увы, слишком часто то же самое можно сказать и о большей части других обращений Флоровского к русской художественной литературе.

В сущности, каждый раз мы как читатели имеем дело с частным мнением о. Георгия, с той или иной его собственной интерпретацией. Причём особенно достойно сожаления, что зачастую эти интерпретации (а именно — мнения о. Георгия) опираются на вполне стереотипные, если не сказать поверхностные, суждения о Гоголе. Эти подхваченные Флоровским, повторённые им, а, тем самым, словно бы освященные его богословским авторитетом суждения можно было бы ожидать отнюдь не в богословском труде.

Как известно, Бердяев крайне резко раскритиковал основной труд Флоровского. Согласно его оценке, книга Флоровского «... продиктована не любовью, а враждой, в ней преобладают отрицательные чувства. Это книга духовной реакции, охватившей души после войны и революции. Всё духовно реакционное о. Г.

Отец Георгий Флоровский

Флоровский, в сущности, одобряет, но с оговорками и с требованием большей умственной утонченности... Это есть реакция против человека и человечности, столь характерная для нашей эпохи, требование внутреннего порядка и успокоенности. Но в самом авторе успокоенности не чувствуется, в нём чувствуется безумное беспокойство об ортодоксальности».

С точки зрения Бердяева, «... когда читаешь книгу отца Г. Флоровского, остаётся впечатление, что не только русское богословие, но и всю русскую духовную культуру погубили чувствительность, эмоциональность, сострадаемость, возбужденность, впечатлительность, мечтательность, воображение, экзатичность, то есть в конце концов, человечность. О. Г. Флоровский говорит, что дар “всемирной отзывчивости” русских (слова Достоевского) — роковой и двусмысленный дар. Его книга есть, в сущности, суд над русской душой».

Подобные глобальные обобщения Бердяева, к которым он вообще весьма склонен («в сущности, суд над русской душой»), трудно принять.

Однако другие его суждения весьма тонкие и представляются справедливыми. Например, вот это:

«Книга написана против соблазнов, пережитых русской душой, соблазнов морализма, социального утопизма, эстетизма, психологизма, и противопоставляется этим соблазнам исторический позитивизм... Сам о. Г. Флоровский тоже подвержен соблазну, он подвержен соблазну историзма. Он закован в “историческом”, для него христианство вполне вмещается в историю... он противопоставляет текущему настоящему и будущему не вечное, а прошлое, т. е. такое же текучее время. Непонятно, почему прошлое — только потому, что оно прошлое, — лучше настоящего и будущего. Это столь же ошибочно, как и обратное утверждение. Вечное может прорываться в настоящем и будущем, как оно прорывалось и в прошлом. И прошлое грешило дурным человеческим, им грешит настоящее и будет грешить будущее».

Уже на примере гоголевского раздела книги Флоровского можно было убедиться, что общая претензия Бердяева в недолжном «историзме» воззрений Флоровского (как затем бы сказали, «историцизме») не лишена оснований.

При этом небезынтересно проверить — для чистоты «эксперимента» — на том же самом гоголевском материале — установки самого Бердяева (хотя и более раннего периода, нежели его рецензия на «Пути русского богословия»).

Однако вначале попытаемся существенно расширить контекст рассмотрения, привлекая философа, в некотором смысле, противоположного — и стилем, и идеологическими установками — о. Георгию, однако близкого самому Бердяеву: В. Розанова.

Так что сделаем ещё один экскурс — теперь уже в розановскую интерпретацию «главного» в художественном мире Николая Васильевича Гоголя.

Согласно В. В. Розанову, с годами всё более и более суровому к наследию писателя, «После Гоголя стало не страшно ломать, стало не жалко ломать... Гоголь, маленький, незаметный чиновник “департамента подлостей и вздоров” (“Шинель”) сжёг николаевскую

Василий Васильевич Розанов

Русь»; «Появление Гоголя было большим несчастьем для Руси, чем всё монгольское иго... Гоголь отвинтил какой-то винт внутри русского корабля, после чего началось неуправляемое, медленное, год от году потопление России. После Гоголя Крымская война уже не могла быть выиграна».

Поздний Розанов обвиняет и Гоголя-христианина: «Страшны не мёртвые души, а страшен Гоголь, решившийся написать о мёртвых, когда душа всегда жива и умереть не может. Гоголь написал самую антихристианскую, антибожественную книгу... Он написал, что Христу не только не было за кого умирать, но что Ему не нужно совсем и приходить на землю и что вся вообще “христианская история” и “жития мучеников” есть один комизм».

Годом позже, в «Мимолётном. 1915» Розанов формулирует рецептивные последствия для России доверия к фантазмам Гоголя: «... все русские прошли через Гоголя, — это надо помнить. Это самое главное в деле. Не кто-нибудь, не некоторые, но все мы, всякий из нас... Каждый отсмеялся свой час... “от души посмеялся”, до животика, над этим “своим отечеством”, над “Русью”-то, ха-ха-ха!! — “Ну и Русь! Ну и люди! Не люди, а свиные рыла. Божии создания??? — ха! ха! ха! Го! го! го!...”... Лучше умереть, чем жить с Гоголем, читать Гоголя, вторить Гоголю, думать по Гоголю».

Розанов, как известно, стоит у истоков того направления, достаточно распространенного в наше время, согласно которому именно русская литература более всех виновна в крахе «рассыпавшейся», «слинявшей за три дня» России: «После того, как были прокляты пампушки у Гоголя и Гончарова (“Обломов”), администрация у Щедрина (“Господа Ташкентцы”) и история (“История одного города”), купцы у Островского, духовенство у Лескова (“Мелочи архиерейской жизни”) и наконец вот самая семья у Тургенева, русскому человеку не осталось ничего любить, кроме прибауток, песенок и сказочек. Этот самозабавляющийся прощелыга и произвёл революцию».

В. Е. Хализев с полным основанием замечает: «... вырисовываются существенные моменты общности в осмыслении русской литературы XIX века радикально-революционной (по преимуществу атеистической мыслью (Соловьев-Андреевич и Иванов-Разумник, Горький и Базаров) с представителями «нового религиозного сознания»... Имеет место некая методологическая синекдоха, по сути — венаучная, мифологизирующая: часть русской литературы, к тому же осмысленная весьма неполно и публицистически-тенденциозно, решительно и без-

оговорочно выдаётся за целое».

Утрированным завершением этой линии является сборник трудов, составленный современным православным священником (и бывшим студентом Литературного Института) «Загадка 2037 года», в котором, правда, составитель не пощадил и Пушкина: так что, выходит, Гоголь не так уж и виновен, если негодна вся русская литература Нового Времени, включая Пушкина и Достоевского.

Казалось бы, у Бердяева, с его столь явными интеллектуальными симпатиями к апокалиптике и катастрофизму, можно было бы ожидать найти иные представления о гоголевском мире, нежели у Розанова, несмотря на восхищение «изумительным стилем» последнего и его творчеством в целом.

Однако же в статье «Духи русской революции», вошедший в сборник «Из глубины» (1918 г.), Бердяев прямо солидаризировался с Розановым в оценке значения Гоголя. Для Бердяева «Гоголь был художником зла... творчество Гоголя есть художественное откровение зла как начала метафизического и внутреннего».

При этом Бердяев так интерпретирует образы и идеи Гоголя, Достоевского, Толстого, что писатели не только показали стране «русских бесов» (бесов «лжи и подмены», «равенства», «бесчестья», «отрицания», «непротивления» и многих других), но и, так сказать, заселили этими «нигилистическими бесами» саму Россию.

С одной стороны, именно революция, по Бердяеву, «превратила Россию в бездыханный труп», она — «антинациональна». Но, с другой стороны, духи русской революции — «русские духи», их обнаружила (а то и вызвала) именно русская литература. Более того, в уже постреволюционной России каким-то образом Бердяев пытается увидеть «на каждом шагу» те самые образы (Хлестакова, Верховенского, Смердякова и др.), которые читатель ранее встречал не в жизни, а на страницах литературных произведений.

Произошла материализация этих бесплотных духов, которые «использованы врагом нашим на погибель нашу». В финале своей статьи Бердяев противопоставляет «антихристианские духи революции» и «христианский дух России», утверждая, что в «новой» России «христианские» и «антихристианские» начала будут «более резко» разделены, нежели это было ранее, в «старой» России.

Таким образом, в истолковании творчества Гоголя-художника Бердяев следует за отрицательными характеристиками Розанова, при этом противопоставляя некую «духовную революцию», всё еще желаемую им (от революционизма Бердяев так и не смог освободиться до конца дней своих), и ту — не

измышленную им революцию, которая реально произошла в России. Именно в последней «обнаруживается колоссальное мошенничество, бесчестность... бессовестный торг... народной души с народным достоянием». По утверждению Бердяева, «многие декреты революционной власти совершенно гоголевские по своей природе, и в огромной массе обывателей они встречают гоголевское к себе отношение». Следует заметить, что бердяевское уподобление реальной революции и «русской тьмы... русского зла», присущего, по Бердяеву, именно «старой» России, многожды использовалось затем как в отечественной, так и зарубежной русистике — без понимания качественной новизны советского типа культуры сравнительно с русским. Станным образом Бердяев не желает видеть революционное насилие над самим русским духом, над русской духовностью, над душой России. И в этом он тоже близок своим отечественным и зарубежным последователям. Несмотря на чрезвычайно высокую оценку Достоевского, обычную для Бердяева (и куда более сдержанную оценку наследия Толстого, который, с точки зрения философа, «является одним из виновников разгрома русской культуры», утопический революционизм Бердяева, типичный для многих деятелей русского Серебряного Века, проявился в особом видении им послереволюционной реальности, когда, вопреки очевидности, философ пытался доказать, будто «в революции раскрылась всё та же старая, вечно-гоголевская Россия, нечеловеческая, полужвериная Россия харь и морд». Объяснением подобной аберрации является высказанное в этой же работе заветное убеждение Бердяева, что именно «революционная гроза очистит нас от всякой скверны». Когда же эта «гроза» оказалась совершенно не той, которую в своих утопиях жаждали увидеть люди Серебряного Века (от Мережковского и Блока до самого Бердяева), то «виновной» для части его представителей (таких, как Бердяев) оказалась все та же самая «старая» Россия, но не их собственные утопичные прожекты, опровергнутые прозаической реальностью. Поэтому Бердяев и может писать, что «Гоголю открывалось бесчестие как исконное русское свойство. Это бесчестие связано с неразвитостью и нераскрытостью личности в России, с подавленностью образа человека. С этим же связана и нечеловеческая пошлость, которой Гоголь нас подавляет и которой он сам был подавлен. Гоголь глубже славянофилов видел Россию. У него было сильное чувство зла, которого лишены были славянофилы. В вечно-гоголевской России переплетается и смешивается трагическое и комическое. Комическое является результатом смешения и подмены. Это смешение и переплетение трагического и комического есть и в русской революции. Она вся основана на смешении и подмене, и потому в ней многое имеет природу комедии. Русская революция есть трагикомедия. Это — финал гоголевской эпопеи. И, быть может, самое мрачное и безнадежное в русской революции — это гоголевское в ней». Нет никакого признания собственной вины за русскую трагедию. «Русские

люди, желавшие революции и возлагавшие на неё великие надежды, верили, что чудовищные образы гоголевской России исчезнут, когда революционная гроза очистит нас от всякой скверны. В Хлестакове и Сквозник-Дмухановском, в Чичикове и Ноздреви видели исключительно образы старой России, воспитанной самовластьем и крепостным правом. В революции раскрылась всё та же старая, вечно-гоголевская Россия, нечеловеческая, полужвериная Россия харь и морд. В нестерпимой революционной пошлости есть вечно-гоголевское. Тщетны оказались надежды, что революция раскроет в России человеческий образ, что личность человеческая подымется во весь свой рост после того, как падёт самовластье. Слишком многое привыкли у нас относить на счет самодержавия, все зло и тьму нашей жизни хотели им объяснить. Но этим только сбрасывали с себя русские люди бремя ответственности и приучили себя к безответственности. Нет уже самодержавия, а русская тьма и русское зло остались». Итак, Бердяев упрекает русских людей в «безответственности», но свои собственные прогрессистские утопии («великие надежды»), ставшие одним из причин русской Катастрофы, так и не желает ответственно признать за таковые. В свое время Гоголь призвал своих читателей опознать в себе (а не в других) «мёртвые души», дабы преодолеть собственное ветхое начало. Не вина Гоголя, что ни Розанов, ни Бердяев, ни другие известные деятели русского Серебряного Века, видели не в себе, но в других «мёртвые души»; уклоняясь от собственной ответственности, перекладывали её на «вечно-гоголевскую Россию, нечеловеческую, полужвериную Россию харь и морд». Оказавшись в эмиграции, некоторые из них увидели мнимую «преемственность» подобной — фантастической — России и антихристианской «практики» строительства на месте России социалистического государства, но не увидели другой — подлинной — преемственности. В гоголевском творчестве присутствует и надежда на пасхальное воскресение: Гоголь утверждает пасхальность России; как известно, он первый среди русских писателей Нового Времени (да и вообще среди русских писателей) отчётливо сформулировал значение Пасхи для России и вообще для русского человека. Структура его важнейших произведений — пасхальна, чего не заметили ни Розанов, ни Флоровский, ни Бердяев, ни другие русские философы, хотя они и перестали видеть в Гоголе, как в нем видели «революционные демократы», а вслед за ними советское литературоведение исключительно сатирика, обращенного к социальным вопросам. Пасхальный вектор русской истории и культуры — от смерти к воскресению. Гоголь выразил в своем творчестве этот вектор. Не учитывая его, мы неизбежно будем искажать значение гоголевского наследия, приписывая Гоголю как чужие грехи, так и такие «достижения», которые самому писателю вряд ли понравились бы. Тот же вектор, впрочем, мы можем заметить и в творчестве Достоевского, и в творчестве ряда других русских писателей.

Проф. Иван Есаулов

СВЯЩЕННАЯ ЛЮБОВЬ – СВЯЩЕННАЯ ВОЙНА

Церковь недаром сравнивают с армией, армией Бога. А монашество — с истинным воинством Христовым. Милитаризм и воинственность подобных метафор может смутить лишь гуманистов и пацифистов, но никак не обыкновенных христиан. Которые читали Св. Писание и знают слова Христа: "Не думайте, что Я пришёл принести мир на землю; не мир пришёл Я принести, но меч" (Мф.10: 34)

Тех же, кто трактует эти слова как исключительно относящиеся к духовной брани следует спросить: а за что Св. Церковь канонизировала великих христианских государей и православных воинов? Разве не за то, что в том числе и силой оружия защищали Малое Стадо от врагов, которые его хотели истребить? Почему именно Св. Церковь во время русской и общеевропейской гражданских войн 1917-1945 гг. благословляла ратные подвиги белых христианских армий? И о какой именно победе над неверными мы молимся в храмах, когда просим у Бога дать её православным царям? Ужели только духовной?

Тем не менее, Бог есть любовь. И нас учат, что христианская любовь совершеннее нехристианской. "Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; всё покрывает, всему верит, всего надеется, всё переносит (1 Кор. 13:4-8)

Воистину, такая любовь редко встречается в миру. И, если истинная христианская любовь столь совершенна, какова же должна быть истинная христианская война?

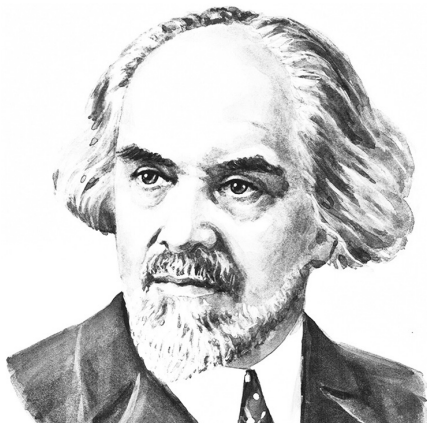
Ответ очевиден. Она должна быть столь же бесстрастной, сколь бесстрастна христианская любовь. И столь же возвышенной, не ищущей своего, не бесчинствующей, все переносящей.

Посему хочется сказать христианскому юношеству, которое в будущем будет участвовать в великих и священных войнах. Сражайтесь против Божиих врагов и врагов Малого Стада без ярости и страсти. Не заставляйте их мучиться. Не берите ничего из их пожитков. По возможности молитесь об их душе. Не оскверняйте свои души ненавистью. Будьте достойны звания христиан во всех деяниях и проявлениях ваших жизней.

Да сохранит нас всех Господь Бог от всякого зла.

А. Босоволков

NUESTRO PAIS. Registro Nacional de Propiedad Intelectual 949917. Мы имеем право сокращать, не извращая смысла, полученные материалы. Телефон редактора: (54-9-11) 5485-2306. Э-адрес: kasanzew@gmail.com Мнения авторов не всегда выражают таковое газеты. При перепечатке ссылка обязательна. Сайт газеты: <https://nashastrana.net>

Николай Александрович Бердяев